

Слово редактора

ИСТИНА И ПРОПАГАНДА: СВЯЗЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРОТИВОВЕСА ВЛАСТИ С АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКОЙ¹

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: После 2000 г. издана книжная серия «Философия России второй половины XX века». В ней содержится описание подходов к анализу советской философии. Из ростовских философов только М.К. Петров удостоился монографии в этой серии². Он выделил и охарактеризовал антропологические типы советских философов (романтик, придворный философ, циник, коммунист-философ-разведчик), а также высказал идею научно-технической контрреволюции³. Эти когнитивные изобретения Петрова позволяют связать в одно целое историко-методологический анализ с антропологическими проблемами. В статье реконструировано основное содержание работы Ханны Арендт «Истина и политика», рассмотрена российская специфика политической лжи и антропологические перспективы её исследования.

Ключевые слова: интеллектуальный противовес власти, Ханна Арендт, пропаганда, политическая ложь, антропология философских поколений.

Главные идеи

В настоящее время переход советской философии от идеологии к науке на протяжении 1960–1980-х годов оценивается позитивно [Лекторский 2014]. С ним связан процесс кристаллизации независимой от власти политической философии в постсоветские годы [Пятигорский 2007; Подорога 2010], хотя Э.И. Колчинский считает поведение большинства философского сообщества России в 1990-е годы массовым ренегатством [Колчинский 2014: 9]. Доказательством тому служит замедление процесса после 2000 года. Но под влиянием событий 2014 г. в отношениях между Россией и Украиной Э.Ю. Соловьев поставил задачу разработки контридеологической аналитики. Её уже начали выполнять коллеги из Института философии РАН [Гусейнов, Рубцов 2018; Рубцов 2020].

¹ В основе статьи лежит доклад автора, представленный автором на заседании Учёного совета Института истории естествознания и техники РАН 15 февраля 2022 г.

² См.: Неретина 2010.

³ См.: Петров 2014; Петров 1996: 19–74.

Элементом данного процесса является наше предложение использовать классическую работу Х. Арендт «Истина и политика» для формулировки вопроса: как создать и культивировать интеллектуальный противовес власти в системе всеобщей лжи? [Интеллектуальная тревога 2015]. Начало ответа определяется главным выводом Арендт из истории политической мысли: проблему истины надо рассматривать в **конфронтации** с политикой. Отсюда вытекает ряд аксиом: природа политики – отрицание или извращение любых истин; свобода мнения – фарс, если не даётся адекватная информация о фактах, а сами факты остаются предметом спора; право каждого поколения писать собственную историю не даёт права прикасаться к фактическому материалу; групповые, общественные и государственные интересы противостоят истине [Арендт 2014: 334–389].

Эти аксиомы образуют исходный пункт интеллектуального противовеса власти, в состав которого Арендт включила постулат: организованная ложь образует внутреннее свойство политики, поскольку она претендует на преобразование мира. Данный постулат подкреплён множеством аргументов, из которых напомним основные.

Принуждающая сила истины противостоит государственной власти. Неудобные факты обладают упрямством, которое можно унять только ложью. Истина факта требует безоговорочного признания и исключает дискуссию. Но в большинстве случаев люди руководствуются слепым упрямством, недостаточным воображением и неспособностью судить. Качество мнения и суждения зависит от меры его беспристрастности. Для установления фактов обычно используются источники, в которых всегда можно подозревать подлог. Большинство свидетелей могут стать лжесвидетелями. Философская истина касается единичного человека и потому по своей природе неполитическая. Но её воплощение зависит от того, предпочитает ли большинство людей радости свободной компании удовольствиям господства. Научение примером есть единственный способ, каким философская истина может «убеждать», не подвергаясь искажению.

Однако в XX веке исчезла возможность сделать философскую истину значимой в политике. Ложь – вечный враг истины. Ложь образует форму *действия*. Размывание границы между истиной факта и мнением – форма действия лжи. Философская истина никогда не должна претендовать на господствующее мнение. Беспристрастность, честность и независимость при изложении фактов невозможны без борьбы с интересами и пристрастиями группы властвующих в любой стране. Существует родство между политикой как способностью изменять мир и способностью лгать. Отсюда вытекает противоречие между историком (учёным) и политиком: первый не может преодолеть искушение попасться в ловушку необходимости и отвергнуть свободу действия; второй не может преодолеть искушение переоценить возможности свободы и примириться с лживым отрицанием или искажением фактов.

Указанные аргументы завершаются общей констатацией Арендт: государственная пропаганда есть система организованной лжи как главной угрозы миру фактов. Отсюда вытекает, что методология науки в единстве с политической теорией может установить специфику проявления перечисленных положений во внутренней структуре дисциплинарного знания и его связях с политикой. При этом Арендт предлагает учитывать существующее положение вещей и указывает его главные константы.

Правда никогда не была политической добродетелью, но стремление к истине может стать первостепенным политическим фактором там, где общество вступило на путь организованной тотальной лжи. К таким странам относятся СССР и нацистская Германия. Именно в них возник феномен массовой манипуляции фактами и мнениями. Он проявляется в переписывании истории, создании и культивировании имиджей, фикций и реальной государственной политике. Развивается противоречие между **традиционной и современной политической ложью**. Все неправды содержат насильственную составляющую; организованная

ложь всегда стремится уничтожить то, что решено отрицать. Тоталитарные правительства сознательно используют ложь как шаг на пути к убийству. Разница между традиционной и современной ложью состоит в различии между скрыванием и уничтожением. Современная манипуляция фактами – это нанесение необратимого ущерба действительности.

В результате деятельности государственной пропаганды паутина обмана и самообмана стала всеобщей. Это ведёт к ряду следствий: возврат международных (межгрупповых) конфликтов на сцену внутренней политики; отказу людей верить в истинность чего бы то ни было; ликвидации чувства и категории лжи/истины; ощущению всеобщей зыбкости. Но даже в таких условиях Арендт настаивает на нерушимости оснований: истина безвластна и всегда проигрывает в поединке с властью; истина обладает собственной силой, поскольку власть не в состоянии изобрести ей замену; уговоры и насилие могут разрушить, но не могут заменить истину.

Из этих оснований Арендт выводит принцип практического поведения исследователя и гражданина: смотреть на политику с позиций истины означает занять положение рассказчика истины **вне политического пространства**; это положение есть один из модусов одиночества, к которым относятся уединение философа, изоляция учёного и художника, беспристрастность историка и судьи, независимость свидетеля и репортёра. Все они обнаруживают факты. Деятельность по регистрации фактов происходит в судах и университетах как островах истины в море тотальной лжи. Но их существованию по-прежнему грозят все опасности, исходящие от общественной и политической власти.

Российская специфика

Как перечисленные константы отношения между истиной и политикой проявляются в современной России? Для ответа можно использовать выводы социологического исследования под руководством С.В. Патрушева и Л.Е. Филипповой [Патрушев, Филиппова 2018; Патрушев, Филиппова 2020а; Патрушев, Филиппова 2020б]. В России конкурентной политики до сих пор не существует, а есть различные модификации государственной власти. Значит, отношение «истина-власть» является конституирующим для обсуждения всех вопросов социального бытия. Надо учесть, что в православии значение категории истина намного меньше, чем в других модификациях христианства. Стало быть, концепт интеллектуального противовеса власти требует всестороннего обдумывания и нагрузки конкретным материалом всех стран с точки зрения воплощения в них перечисленных аксиом и постулатов.

Материал истории и современного состояния России может служить надёжной основой для выполнения этой задачи. Свою часть я назвал прикладными аспектами теории бюрократии, в состав которых входят три темы: насилие и политическая бюрократия; итоги междисциплинарной дискуссии по проблемам бюрократии и авторитаризма в России на протяжении последних тридцати лет; феномен политической бездарности. Эти темы включают множество конкретных проблем [Макаренко 2018; Макаренко 2020; Макаренко, Акопян, Халед 2020].

Все они связаны с разработкой концепции, которая позволяет критически относиться к политической истории и системе России до 1917 г., от 1917 г. до 1991 г., после 1991 г. до настоящего времени. Для этого осуществлена классификация российских идеологов, которые предлагаются к описанию способов трансляции монархического, советского и демократического опыта в современную связь между прошлым и будущим. Обсуждаются проблемы освобождения ума и совести от наследия советской эпохи, реанимации обскурантизма в России на фоне противоположности между культурой и государством, основные характеристики XX века и константы русской истории, ветхозаветный концепт священной войны,

трансформация войны в христианстве, русский и советский государственный разум, цивилизаторская диктатура империи и в прошлом и настоящем, эволюция правительственной философии России к системе тотальной лжи, а также влияние коллаборационизма на функционирование власти в стране.

Междисциплинарная дискуссия по проблемам бюрократии и авторитаризма на протяжении последних 30-ти лет происходит с участием философов, политологов, социологов, историков, юристов, практических деятелей. Она концентрируется вокруг проблем государственной рутины, нового авторитаризма, перспектив аннигиляции номенклатуры в контексте ошибок К. Маркса и специфики современного политического режима в России, политической бюрократии, стереотипов бюрократического сознания, социокультурных оснований московско-ордынского властно-управленческого комплекса, отношения российской бюрократии к науке, политических ошибок, вытекающих из догматического отношения к науке и др.

Тема природы политической бездарности рассматривается через призму специфики государственного интереса и сравнительного анализа египетской и советской (российской) бюрократии. На основе современного концепта дара переосмысливается вклад анархизма в решение проблемы политического творчества, описаны особенности государственных фактов и смысл государственных упрощений, религиозные предпосылки и позитивный смысл государственного интереса, концепции власти и бюрократии Л. Троцкого, К. Виттфогеля, Х. Арендт, М. Фуко. К. Виттфогеля. Проблема современной политической турбулентности трактуется как коннотация всех свойств политической бездарности, государственного интереса и египетско-российской компаративистики.

Эту проблематику можно конкретизировать на основе использования результатов компаративного исследования А.Н. Олейника связи современной политической лжи с деятельностью СМИ разных стран в период после 24 февраля 2022 г. [Olejnik 2022]. Требуется также уточнить характеристику Арендт университетов как «островов истины». Для этого используются выводы С. Андрески о феноменах манипуляции, массового производства, цензуры, терминологии, идеологии и пропаганды в социальных науках, которые он объединяет под именем социологии незнания. Особенно интересны его идеи относительно процессов проникновения лжи в процедуры описания социальных объектов.

Склонность исследователей общества реагировать на то, что о них говорят другие, воздвигает три барьера на пути культивирования истины в социальных науках: а) методологические проблемы проверки истинности утверждений, которые могут влиять на описываемые и анализируемые события; б) внешние давления модифицируют направления научного поиска и тормозят публикацию всех его результатов. Поэтому большинство учёных движимы желанием «потрафить» власти и общественному мнению, чтобы те слышали лишь такие высказывания, которые доставляют им удовольствие; в) в результате действия указанных двух факторов в социальных науках возникает постоянный хаос. Он вытекает из безнаказанности социальных наук за провозглашение и культивирование лжи и скрытой пропаганды [Andreski 2002].

Набор вопросов

Эти общие положения можно сопоставить с антропологическим подходом к изучению советской и постсоветской философии, воплощённом в свежей коллективной монографии коллег из Института философии РАН [Синеокая 2022]. Наш журнал начал публиковать статьи из указанного издания. Я прокомментирую лишь несколько аспектов из работы С.Н. Корсакова, публикуемой в этом номере [Корсаков 2022].

Сергей Николаевич разработал свою концепцию на основе синтеза теории биографики с теорией поколений. Эмпирическим материалом синтеза служит изучение жизни и судеб со-

ветских философов 1920-х годов. В его состав входит несколько тем: исходные посылки анализа (которые одновременно являются итогами); образ автора и проблема источников; зарисовки с натуры и специфика трагедии поколения 1920-х гг.; общие черты поколения и концепт духовного подвига; характеристика поколения 1930-х гг. на примере М. Лифшица. Сосредоточусь на первой теме.

Для описания советских философов поколений 1920–1960-х годов Корсаков разработал концепт социальной амнезии. Он включает несколько когнитивно-аксиологических установок автора, которые я предлагаю рассматривать в контексте **общих проблем**, связывающих советский и постсоветский периоды.

Корсаков отрицает проект создания ретроспективного моста между желаниями некоторых современных российских философов возвести к веховцам свою философскую родословную. Он имеет в виду прежде всего поколение семидесятников. Если согласиться с Сергеем Николаевичем, то вытекает ли отсюда актуальность Ленинской критики «Вех» (до революции 1917 г.) и «Смены вех» (после неё)? При ответе на вопрос надо учитывать, что в современной литературе обозначились две тенденции: демонизации Ленина [Галковский 2017; воспроизводство всей концепции бывшей официальной советской историографии под видом критики В.И. Ленина [Данилкин 2017]. Думаю, что труды Корсакова позволяют подвергнуть критике обе тенденции.

Представляется продуктивным отрицание одного поколенческого типа в рамках 1920–1950-х гг. Это позволяет поставить исследование антропологических типов советских философов в контекст становления разномыслия в СССР [Фирсов 2008].

Корсаков приводит веские аргументы для отрицательной оценки молчания философов под «сенью голубого канта», т. е. сотрудничества с жандармерией в дореволюционной России, которое в советское время преобразовалось в сотрудничество с ГПУ-НКВД-КГБ. В дневниках Вернадского 1920-х гг. встречается сопоставление науки и жандармерии при описании становления АН СССР. Сотрудничество учёных, военных и чекистов в СССР окончательно оформилось в период второй мировой войны [Колчинский 2003: 440–549, 783–818]. Под этим углом зрения можно рассматривать феномен молчания-сотрудничества философов с репрессивной системой.

В работе Корсакова показано, что привычная картина «подавления философии в СССР» далека от реальности. На самом деле НКВД и власть выступали орудиями борьбы за господство в философских структурах. Философы 1920-х годов были репрессированы за свою профессиональную деятельность. Значит, внутри философского сообщества складывались предпосылки взаимной заинтересованности между философскими институтами и репрессивными структурами.

С точки зрения процедуры репрессии слово философа было его преступлением, если выражало самостоятельную мысль. «Философы» были нужны сталинскому режиму, чтобы от имени философии обосновывать любой поворот политики властей. Самостоятельное мышление, поиск истины, предъявление этой истины властям как того, с чем нужно считаться, рассматривалось как подрыв легитимности власти. Приверженность передовой философии (в виде советского марксизма-ленинизма) входила в состав процедуры легитимации власти. Философ, который в рамках этой философии пытался мыслить сам, обретал внутренний стержень, делавший его независимым от власти. В этом случае тот, кто искренне разделял государственную философию, был обречён. Высказанные им идеи, если они не были повторением канона, превращали власть в отступницу. Тем самым возникает предпосылка для связи анализа философских поколений с теорией легитимности.

В частности, я показал, что легитимность есть такое состояние политической системы и всех её элементов, когда они признаются населением в той степени, в которой обладают

научной истинностью и политической правотой. Однако научная истина и политическая правота были, есть и будут дискуссионны. Поэтому ни одна из политических систем не может быть признана абсолютно легитимной. Этот вывод может быть обоснован путём анализа степени нелегитимности советского государства в целом и всех его институтов на протяжении всего времени его существования. Влияние СССР на современную власть в России и других продуктах его распада требует особого разговора.

Его толчком может быть принципиальный вывод Корсакова: любой нравственный выбор советских (российских) философов на протяжении столетия (1920–2020) был проигран. Именно этот пункт определяет весь ракурс поколенческой траектории от тех десятилетий до нашего времени. Возникает возможность компаративного анализа концепции взаимосвязи насилия и социальных порядков Д. Норта с реальной историей-социологией СССР [Норт и др. 2011].

Главный урок изучения архивных документов такой: идеологические различия вторичны и оформляют нравственные. Значит, нравственный выбор и оценка становится ключом для изучения всей проблематики советских философских поколений. Открывается возможность использовать концепцию государственных интересов М. Фуко для переосмысления всей линии Н. Макиавелли [Неретина 2018].

В любом случае при изучении истории советской философии главным объектом становится анализ механизма репрессий. Сергей Николаевич показал, что идеологические обвинения в «отступлении» от марксизма оформляли репрессии и не были связаны с теоретическими воззрениями конкретных лиц. В 1920-е гг. возникло две основные причины репрессий: критическая оценка первым поколением советских философов-марксистов ума Сталина (первого лица в государстве); некоторые из них предпочли административную карьеру (стремление занять место лидера научного направления, директора института, редактора журнала) профессиональному росту. Это предпочтение реализовывалось как групповая борьба или нападения стаи на жертв.

Иначе говоря, критика привычной картины «подавления философии в СССР» требует пересмотра. Предпосылками для этого служат один из выводов Корсакова: НКВД и власть выступали орудиями борьбы за господство в философских структурах; философы 1920-х годов репрессированы за свою профессиональную деятельность. Внутри философского сообщества складывались предпосылки заинтересованности бездарей в репрессиях способных и талантливых коллег.

Ещё один существенный вывод Корсакова: сталинский режим не был режимом идеологическим. Его интересовали не идеи, а прагматика. Философия нужна была не для определения путей движения общества, а в ритуальных целях. Здесь произошёл поколенческий водораздел 1920-х и 1930-х годов. Одни остались философами, другие перестали ими быть, получив взамен академические регалии. Вторые всегда отказывались от философских и политических спорах по существу, поскольку в профессиональных спорах всегда побеждали мыслящие и талантливые люди. Так отношение между позициями индивида в сфере политики и философии стало центральной проблемой. В основе поступков новой генерации философов 1930–1950-х годов лежала готовность к подлости, страсть к материальному благополучию, безразличие к идеям и истине.

Такой способ поведения совершенно отличался от типа философов 1920-х годов, который включает три свойства: 1. В период формирования личности – страсть к философскому образованию на фоне преодоления неблагоприятных стартовых социальных условий. 2. В период недолгого творческого расцвета – публичная акцентуация личной философской позиции в качестве интеллектуального и нравственного убеждения. 3. В ситуации сталинского застенка – способность остаться человеком вопреки нечеловеческим условиям.

Таким образом, исследование С.Н. Корсакова содержит множество выводов для изучения генезиса в советской философии альтернативы: философ – идеологический чиновник. Возникают разные перспективы в зависимости от понимания (определения) философии, идеологии и бюрократии. Эти перспективы можно соотнести с реальной историей-социологией (в понимании Ф. Броделя) всего советского мира. Например, если принять его деление всего исторического процесса на историю конъюнктур, структур и длительных временных протяженностей (ментальностей), то какие узлы завязались на протяжении предыдущих тридцати лет в каждом постсоветском государстве? можно ли считать концепты фанатизма, цинизма, романтизма и двоемыслия универсальными для всего постсоветского мира или специфически российскими?

Приглашаю читателей дать свой набор вопросов и ответов, погрузившись в изучение статей блока «Интеллектуальное событие».

Арендт Х. 2014. *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли* / Пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – С. 334–389.

Бюрократия и авторитаризм... 2020. *Бюрократия и авторитаризм: панорама междисциплинарной дискуссии* / Отв. ред. В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета.

Галковский Д.Е. 2017. *Сто лет после революции. 2331 отрывок из произведений и писем с комментариями*. – М.: Книжный мир.

Господство против политики... 2020. *Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений* / С.Г. Айвазова, А.В. Жаворонков, Г.Л. Кертман, А.Л. Королев, А.М. Кучинов, О.А. Мирясова, И.Л. Недяк, Ю.Е. Островская, Т.В. Павлова, С.В. Патрушев; Л.Е. Филиппова; под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. – М.: Политическая энциклопедия.

Данилкин Л. 2017. *Ленин: Пантократор солнечных пылинок*. – М.: Молодая гвардия.

Интеллектуальная тревога... 2015. *Интеллектуальная тревога: проблема лжи и цинизма в политике*. – Ростов-на-Дону: Изд. Южного федерального университета.

Колчинский Э.И. 2014. *Так вспоминается...* – СПб.: Нестор-История.

Конституирование современной политики... 2018. *Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы* / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия.

Корсаков С.Н. 2022. Советские философы поколения 1920-х годов. – *Философские поколения* / Сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК. – С. 27–96.

Макаренко В.П. 2019. Генезис полемики о государственном интересе: концепт Мишеля Фуко. – *Гуманитарий Юга России*. – Т. 8(36). – № 2.

Макаренко В.П. 2018. *Насилие и политическая бюрократия*. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета.

Макаренко В.П., Акопян А.Г., Халед Рефаат К.Б. 2020. *Политическая бездарность: государственный интерес в контексте бюрократического господства*. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета.

Михаил Константинович Петров... 2010. *Михаил Константинович Петров* / Под ред. С.С. Неретиной. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Наука и кризисы... 2003. *Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки* / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. – СПб.: Дмитрий Буланин.

Неретина С.С. 2018. *Пауза созерцания. История: архаисты и новаторы*. – М.: Голос.

Норт Д.; Уоллис Д.; Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества* / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. – М.: Изд. Института Гайдара.

Петров М.К. 1996. *Историко-философские исследования*. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Петров М.К. 2014. *Экзамен не состоялся* / Отв. ред. В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону: Изд. МАРТ.

Подорога В.А. 2010. *Апология политического*. – М.: Изд. НИУ-ВШЭ

Проблемы и дискуссии... 2014. *Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд* / Под ред. В.А. Лекторского. – М.: Политическая энциклопедия.

Пятигорский А. 2007. *Что такое политическая философия*. – М.: Европа.

Рубцов А.В. 2020. *Нарцисс в броне. Психоидеология «грандиозного Я» в политике и власти*. – М.: Прогресс-Традиция.

Структуры господства... 2020. *Структуры господства, граждане и институты* / [А.В. Жаворонков и др.] ; отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия. – 318 с.

Философия и идеология... 2018. *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна* / Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов, сост. А.В. Рубцов. – М.: Прогресс-Традиция.

Философские поколения... 2022. *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК.

Фирсов Б.М. 2008. *Разномыслие в СССР. 1940 – 1960-е годы: история, теория и практики*. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге: Европейский Дом.

Andreski St. 2022. *Czarnoksiestwo w naukach społecznych*. – Warszawa: Oficyna naukowa.

Olejnik A. 2022. War-time media reporting is shaping opinions about Russia's Ukraine invasion. – *The Conversation*. – April 4. – Доступно: <https://theconversation.com/war-time-media-reporting-is-shaping-opinions-about-russias-ukraine-invasion-180107>. – Проверено: 14.05.2022.